

Переводы и комментарии

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ «КОЛДОВСТВО В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ»¹

Станислав Андрески

Глава 11. Развратный криптоконсерватизм

Множество основных утверждений о природе общества возникло из размышлений о способах его улучшения. Платон и Аристотель сформулировали первые из известных нам утверждений социологической теории в виде собственных рецептов создания совершенного общества. При этом первый опирался на собственное воображение и предсказания, второй использовал сравнительный метод, который он изобрел и применил для анализа конституций почти ста греческих городов. Вольтер, Адам Смит, Сен-Симон, Конт, Маркс создали свои главные произведения ради рекомендации людям относительно того, что им надо сделать в целях улучшения социального порядка. Джон Кейнс разработал свою общую теорию в процессе поиска лекарства от безработицы. Социальные науки в целом возникли в виде маргиналий реформаторских движений вследствие убеждения их авторов: для успешного действия надо знать причинно-следственные связи. Но консервативный подход оказался не менее продуктивен, чем реформаторские и революционные действия. Это относится даже к реакционной критике, направленной против ошибочных или совершенно утопических планов социальных реформ. Например, Мальтус начал создавать свое эпохальное произведение, чтобы доказать невозможность реализации постулатов идеального общества, выдвинутых Годвином. Хотя система Конта была направлена против существующего порядка, ее можно рассматривать как реакцию автора на отсутствие реализма в идеях французских социалистов, в том числе учителя Конта Сен-Симона. Наиболее выдающиеся произведения конца XIX – начала XX века (теория идеологий и элит К. Моска и железный закон олигархии Р. Михельса) возникли на почве полемики с тезисами Маркса. Консервативные политические взгляды В. Парето вытекали из его теоретической системы, которая приняла форму произвольно преобразованного марксизма: признания неизбежности и вездесущности классовых конфликтов и вторичного характера идеологии и права. Однако мессианское убеждение в быстром завершении такого состояния вещей было заменено образом бесконечного круговорота элит. Нет никакого сомнения в том, что тезисы Макса Вебера были инспирированы стремлением скорректировать теорию Маркса относительно примата экономических факторов, хотя его политические убеждения были далеки от доверия в возможность фундаментального улучшения социального порядка. Консерваторами можно назвать также Спенсера и Токвиля,

¹ Публикуются главы 11 и 12 из книги: Andreski St. Czarnoksiestwo w naukach społecznych. – Warszawa, Oficyna naukowa, 2002. – Pp. 151–178.

поскольку они не верили в успех социальных реформ и скептически относились к множеству социальных явлений, возникших во время их жизни. Поэтому нельзя полагать, что консервативные убеждения исключают возможность вклада в развитие социальных наук.

Исторический факт состоит в следующем: понимание социальных процессов двигалось вперед только в периоды горячих споров между реформаторами, критикующими недостатки существующего порядка и предлагающими мирные или революционные средства преобразования, и консерваторами, подчеркивающими достоинства статус-кво по сравнению с фатальными следствиями резких изменений. Дебаты на эту тему не только способствовали изучению таких аспектов социальной жизни, на которые в других условиях вообще не обратили бы внимания, но поставили вопрос о причинах и следствиях, что стало стимулом для создания теории.

Консервативные политические убеждения нередко шли в пару с новыми идеями относительно природы общества. Однако все творческие представители такой точки зрения соглашались с тем, что в существующем социальном порядке есть множество недостатков. Они защищали его не потому, что не видели этих недостатков, а потому что считали: любое из возможных альтернативных решений не является лучшим. Парето принял фашизм не потому, что видел его в розовом цвете, а потому, что руководствовался пессимистическим убеждением относительно возможностей устранить насилие и ложь из политики. В статье, написанной незадолго до прихода к власти Муссолини, Парето добровольно признает, что главные свойства фашизма – это использование насилия и тотальная пропаганда мифов, но защищает фашизм, признавая его неизбежным следствием распада либерального порядка общества. Герберт Спенсер не менее резко критиковал современную ему действительность, в чем можно убедиться из текстов, размещенных в томе «Структуры, функции и эволюция».

Однако возникший после второй мировой войны в США подход заразил социологию и социальные науки во всем некоммунистическом мире. Он радикально отличается от предшествующего консерватизма, который обосновывался главным образом пессимизмом. Этот подход отличается завуалированной склонностью скрывать неприятные факты, замалчивать сложные проблемы и создавать искусственную ауру оптимизма вокруг всех вопросов современного мира. Главная его посылка такова: все дела идут наилучшим образом в этом лучшем из миров и (подобно голливудским фильмам) все имеет счастливый конец. Вместе с новейшей модой на кибернетику этот подход наиболее популярен среди сторонников так называемого структурного функционализма, популярность которых тесно связана с умением добывать деньги и организовывать международные конференции.

Структурный функционализм уже неоднократно подвергался критике (например, Ч. Миллсом в книге «Социологическое воображение») в контрабанде консервативной идеологии под прикрытием культа идеалов науки. Хотя такое суждение полностью оправдано, оно не раскрывает целиком коварство доктрины, которая обеспечивает своих сторонников преодолением границ честного консерватизма, требующего лояльности в отношении существующего порядка и борьбы с альтернативными концепциями. Идеология структурного функционализма благословляет любой социальный порядок. Иначе говоря, она выступает на стороне любой власти, независимо от того, кто, где и когда ее осуществляет. Чтобы отличить эту идеологию от честного консерватизма, открыто исповедующего принципы определенного социального порядка, я предлагаю назвать эту доктрину «развратным криптоконсерватизмом». Почему крипто? Потому что его сторонники, вместо открытой пропаганды своей позиции (что было бы конечно намного менее успешно) стремятся распространить его втихаря (иногда даже бессознательно) путем использования мнимо безоценочных научных суждений и дефиниций. В следующей главе я постараюсь обосновать это обвинение, анализируя раз-

личные скрытые концепции, а здесь присмотримся внимательнее к свойствам, отличающим развратный криптоконсерватизм через призму социологии социальных наук.

Слепая привязанность ко всему общепринятому обычно идет в пару со слабым интеллектом или невротическим страхом перед применением ума. Такая позиция может быть полностью рациональной, поскольку если кто-либо не способен понять основания установленной практики, то ему лучше делать то, что делают все, нежели соперничать с вещами, которые он не понимает. При этом не имеет большого значения тот факт, что отсутствие разума вытекает из личных интеллектуальных ограничений или недостатка доступного знания. Поэтому консерватизм первобытных людей в целом может не вытекать из недостатка ума, но из понятной осторожности в отношении неизвестного. Проведение экспериментов имеет смысл лишь тогда, когда наше знание дает нам способность предвидения, гарантирующего больший шанс достичь успеха, нежели обычное угадывание. Этот элементарный или первичный консерватизм, который итальянский криминолог Чезаре Ломброзо предлагал называть «мизонеизм», совершенно отличается от политического консерватизма, который преимущественно сводится к защите каких-либо привилегий и часто связан с готовностью принятия изменений, если они могут увеличить или хотя бы не угрожают данным привилегиям. В конечном счете именно «консервативные» предприниматели (промышленники) способствовали наиболее революционным изменениям условий жизни.

Развитие социальных наук тесно переплетено с упадком мизонеизма в отношении относящегося к социальному порядку, который в своей первичной форме сводится к неспособности вообразить, что он сам может измениться. Однако повторим еще раз: критики существующего порядка не способствовали этому развитию больше, чем аргументы политических консерваторов, которые стремятся его защищать. Первые проблески социологической теоретизации появились де факто в трудах, целью которых были советы правителям. Примерами могут быть сочинения таких авторов, как Шан Янг, Хан Фей Цу, Макиавелли, философы эпохи Просвещения и германские специалисты XVIII в. в сфере бюрократической производительности, известные в качестве «камералистов». Можно даже сказать, что если занятие наукой требует выводов на основе доступного опыта, то консерваторы были более «научными» (и потому более успешными), чем утописты и революционеры. Но не следует забывать, что без этих последних не было бы вообще никаких дискуссий, которым мы обязаны пониманием социального мира.

Следует также заметить попутно, что распространенное мнение, согласно которому англичане менее «логичны» по сравнению с французами, никогда не была достаточно обоснована, если речь идет о политических и социальных вопросах. Поскольку из-за отсутствия какой-либо проверенной теории, на основе которой можно предвидеть последствия действий, самым логичным способом поведения будет выработка решений в каждом конкретном случае, а не радикальные изменения общества в соответствии со сверху установленным планом. Но вернемся к главной теме.

Хотя мысль по своей природе является подрывной в отношении социального порядка, создание и осознание хрупкости цивилизации вместе со страхом перед непредсказуемой толпой склоняли многие выдающиеся умы к фрасобливому консерватизму, вследствие чего они предпочитали известное зло тому, что считали опасной фата моргана. Конечно, никогда не было недостатка в апологетах и пропагандистов, которые стремились скрыть реальные факты социальной жизни за занавесом «идеалистической» философии или социальной экономии. Примерами могут быть экономисты и гегельянцы, справедливо раскритикованные Марксом и Энгельсом. Однако ни один автор, который устойчиво способствовал пониманию общества, не имеет этого на совести. Например, марксисты автоматически определяли Герберта Спенсера, Макса Вебера и Гаэтано Моска как консерваторов или реакционеров. Однако если

перечитать этих мыслителей, то нетрудно обнаружить у них критическое отношение к существующей социальной действительности, выраженное в таком тоне, который не осмелился повторить ни один ведущий американский социолог, экономист и политолог со времен Веблена (за единственным исключением Чарлза Райта Миллса). Его оригинальность состояла просто в том, что он отступил от культивируемого его коллегами принципа умолчания о важных вопросах и занялся проблемами, которые фразировали прежних ученых. Даже его идеал – Торнстайн Веблен – не был равен наиболее выдающимся мыслителям Европы того времени. А сам Миллс был далеко не гением и наверняка не заслуживал имени творца Новой Социологии, как провозглашали окружающие его льстецы с того времени, когда он стал на сторону коммунизма. Однако несмотря на эту ошибку (за которую он крайне переживал перед смертью), он достоин уважение за настойчивость в деле защиты критического взгляда на общество в морально испорченной среде.

Разрыв между провозглашаемыми идеалами и социальной действительностью был всегда настолько велик, что ни медоточивый апологет, ни хитрый дипломат никогда даже не приблизились к важным исследованиям природы общества. Честный консерватизм может базироваться только на идее: существующий порядок содержит меньше недостатков, чем любое альтернативное решение. Но поскольку честный консерватизм требует преданности строго определенному делу, он наталкивает своих сторонников на критику как со стороны местных реформаторов и революционеров, так и зарубежных консерваторов, поддерживающих системы, основанные на других принципах. Невозможно противодействовать радикальным реформам в Великобритании с помощью аргументов, которые не менее хорошо могут служить защите военной диктатуры в Бразилии. Если ты советский консерватор и защищаешь социальное планирование, то ты не можешь одновременно провозглашать положительную оценку германского *Wirtschaftswunder*. Невозможно с помощью одних и тех же аргументов защищать свершения Мао Цзедуня в Китае и основные принципы американской демократии. В таких ситуациях, если искренне выскажешься в пользу одной из сторон, то можешь наверняка оказаться проигравшим или совершенным дураком, но наверняка тебя все же не назовут человеком, который всем поддакивает. Чтобы стать кем-то подобным, ты должен провозглашать туманные высказывания, но относящиеся к действительности, чтобы не вызвать возмущения любой стороны. Вершиной совершенства в использовании такой стратегии является оказательство молчаливой поддержки в отношении любой существующей политической структуры без одобрения одной из них. Такая поддержка должна быть дискретной, но заметной, чтобы влиятельные лица ее отметили и сочли важной. В свое время Гегель и его ученики неплохо решали задачу обретения поддержки со стороны бюрократического государства, однако новые ситуации и новые моды постоянно требуют иной фразеологии.

Хотя столетие со дня рождения Макса Вебера отличалось изобилием торжеств и публикаций, не случайно, что ни в одном из томов, изданных по этому поводу, невозможно найти ни одного примера продолжения важнейшего дела Вебера – использования широких сравнительных анализов с целью обнаружения причинно-следственных цепей и создания индуктивных обобщений. Поэтому можно поставить вопрос: является ли величие Макса Вебера как мыслителя единственным источником «культы личности», который вокруг него возник? Приведу наиболее очевидный пример: Маркс занял место бога не с точки зрения большого вклада в развитие экономики и социологии, но благодаря мессианскому мифу и страстным осуждениям, которыми он переплетал свои научные выводы. А поскольку (в отличие от многих других пророков социализма) Маркс не создал ни одного конкретного плана и ограничился утверждением о совершенном будущем обществе, он тем самым оставил своим сторонникам чек, подписанный на предъявителя. Впрочем, не исключено, что мода ссылаться на Вебера имеет нечто общее с его умеренно положительным отношением к капитализму и бюрокра-

тии, а также с тем, что среди других отцов социологии (за исключением Дюркгейма) он был менее всего склонным извлекать неприятные вопросы и мало что сказал о таких болячках, как ложь и насилие в политике и монополистическая эксплуатация. Более того, топорный стиль Вебера позволяет пережевывать его труды, благодаря чему их них можно извлечь множество обтекаемых банальностей, поддерживающих любой статус-кво, каким бы он ни был, и по этой причине его можно одинаково использовать в Далласе, Москве, Ватикане, Джек-карте и Претории. Может быть, именно по этой причине авторы, труды которых не носят даже малейшего следа мысли Вебера, ощущают приятный долг воздавать ему почести.

Это не значит, что Вебер был лицемерным дипломатом или закамуфлированным аполитетом статус-кво. Совсем напротив, он был смелым и решительным человеком, занимая по многим вопросам крайние позиции. Но его высказывания относились к Германии того времени, когда он жил, и потому их применение к современности ограничено. Более того, важнейшие эмпирические труды Вебера относятся к экзотическим или древним цивилизациям (он рано умер, прежде чем успел написать больше о новом времени), поэтому в них нет ничего такого, что любой хотел бы сегодня скрыть. Поэтому, хотя лично он не имел ничего общего с идеологией скрытого консерватизма, он лучше, чем кто-либо другой из крупных социологов (за исключением Дюркгейма) подходит на роль тотема для сторонников этой идеологии.

Не случайно наиболее совершенная форма развратного криптоконсерватизма возникла в США во второй половине XX века, поскольку в иных обстоятельствах (например, под управлением бюрократической императорской олигархии в Пруссии или консолидированного класса капиталистов в Англии) лишь безусловное подчинение правящим элитам и их целостной идеологии создавало шанс для карьеры тем интеллектуалам, у которых не хватало таланта, чтобы выбиться в иконоборцы. Современная американская элита власти намного менее гомогенная с точки зрения этнической, классовой, религиозной и профессиональной принадлежности. Поэтому требуется намного более размытая и двусмысленная аргументация, чтобы понравиться всем ее членам, не говоря уже о необходимости обрести симпатии масс. Иначе говоря, более плюралистические структуры власти дают больший шанс успеха развратным и закамуфлированным видам консерватизма. Такая установка особенно хорошо подходит для международных организаций (типа ООН или ЮНЕСКО), где еще труднее сказать что-либо конкретное, не затрагивая никого (не говоря уже о том, чтобы всем понравиться) и где крайняя многозначность есть главный защитный цвет.

Любой пишущий человек любит, когда его труды читают, цитируют, упоминают в библиографиях, переводят и хвалят. В любой сфере деятельности тысячи людей соперничают за популярность. И когда кто-то становится очень известен (хотя бы в своей сфере), это нуждается в объяснениях. Обычно к таким объяснениям относятся: действительные заслуги; способность рекламировать свои труды или добиваться одобрения со стороны влиятельных людей. Иногда популярность сочинений вытекает только из положения автора, как это было в случае сочинений Сталина или воспоминаний Эйзенхауэра, если ограничиться двумя фигурами из множества примеров. Бывает и так, что книга апеллирует к популярным или неудовлетворенным инстинктам (типа секса или агрессии). Нетрудно понять, почему невротические оды насилию, которые написаны различными псевдореволюционерами, пользуются большим признанием среди удобно и безопасно устроившихся интеллектуалов и чиновников, вынужденных постоянно улыбаться людям, которых бы они прекрасно прикончили. Но как объяснить тот факт, что Т. Парсонс стал наиболее известным социологом нашего времени?

Никто не сможет стать наиболее ценным специалистом в своей сфере чисто случайно, без всяких особых талантов. По сути, нужен особый гений, чтобы создать новый язык, который на деле не продвигает вперед наше знание о мире, но которому нельзя отказать в ориги-

нальности и способности околдовывать людей. В следующей главе содержится более подробный анализ скрытого (и ненамеренного) пропагандистского смысла высказываний Парсонса и ему подобных, которые обнаруживают самый заметный в истории манифест любви к власти любого типа. Здесь я хочу только подчеркнуть, что наряду с консервативными тенденциями, скрытыми в идеологии развратного консерватизма, поддержкой для статус-кво может служить такое мутное пустословие, которое влияет на интеллектуальную жизнь таким же образом, как песок на механизм часов. Если кто-либо подчинится этой мутной схоластике, то он уподобится белке в колесе, которая не движется вперед, несмотря на усилия. Путаница в голове не позволит такому человеку сказать что-либо такое, что могло бы бросить свет на текущие события. Любой политик или властитель любой ориентации (капиталист, коммунист, клерикал, монархист, фашист) сразу сориентируется, что закоренелые пустозвонны безвредны и никакой опасности не представляют. Целые толпы таких болтунов, которые в более цивилизованные времена не смогли бы сделать академическую карьеру из-за отсутствия интеллектуальных способностей, горливо почитают своего мессию, открывающего им путь к легкому успеху, а хор их похвал заглушает рассеянные голоса критики.

Главной посылкой данной школы является скрытая идеологическая посылка развратного криптоконсерватизма. Об этом свидетельствует не только анализ публикаций ее адептов, но и благосклонность со стороны деспотических правителей, нетерпимых к любым ересям. Поэтому не удивительно, что (насколько мне известно) ни один диктатор не запретил публикацию трудов папы эвфемистской социологии, хотя в большинстве коммунистических стран даже Кейнс был под запретом. Во франкистской Испании умеренный либерализм (или прохладная поддержка официальной идеологии) были достаточны для дисквалификации кандидата на работу в сфере социологии и политологии, поскольку для этого требовалась официальная рекомендация Министерства информации. Тогда как переводы Парсонса публиковались и продавались без всяких ограничений. Польские коммунистические руководители «культуры» проводили жестокие чистки в рядах интеллектуалов, подавляя любые отступления от правоты (например, под шапкой борьбы с сионизмом). Но они же не только разрешали публикацию книг Парсонса, но даже подготовили ему шикарный прием. Не менее хорошо его принимали в Москве. Правда, публикация польского перевода трудов Парсонса значительно опоздала, но совсем не по причине цензурного запрета, а потому, что ревностный марксист – автор предисловия – был подвергнут анафеме за мнимые связи с сионизмом, и его имя не имело права упоминаться в печати. В ЮАР на протяжении длительного времени нельзя было публиковать даже результаты простых полевых исследований. Однако занятия по социологии в университете Fort Hare велись на основе книг Парсонса, а главный учебник Социология авторства... содержал представленную на языке африканеров версию его доктрины.

Несколько раз мне приходилось слышать, что столь всеобщая акцептация не только не должна быть причиной для подозрения, но является лучшим доказательством объективности и научности трудов Парсонса. Что за двуличная логика! Тоталитарные режимы занимаются преимущественно поддержкой ложных идеологий, которые к тому же взаимно противоречат друг другу. Поэтому ясно, что они будут терпимы только к такой теории, которая не противоречит какой бы то ни было лжи. Только абсолютное пустословие может быть согласовано с совокупностью противоположных и ложных утверждений на данную тему.

Чтобы избежать недоразумений, следует подчеркнуть, что я не обвиняю и даже не подозреваю Парсонса в целенаправленной манипуляции такого типа, поскольку полагаю, что среди его последователей достаточно бесстыжих шарлатанов. Я убежден, что подобно любому личному колдуну, Великий Мастер верил в то, что говорил. Мой коллега знал его лично. И рассказывал мне, что этот человек был вполне достойным и не принимал участия в интригах

и махинациях, от которых не свободны другие ученые. По этой причине после выхода на пенсию он был отстранен от всех функций. Поэтому я сожалею, что вынужден высказывать эти горькие замечания, но речь идет о будущем социальных наук. Несмотря на искреннюю преданность науке и большой эрудиции, влияние Парсонса на развитие науки было катастрофическим. Ошибку можно обнаружить и исправить, чтобы извлечь из нее выводы ради ее преодоления в будущем. Тогда как дурная привычка невнятицы ведет в тупик.

Глава 12. Идеологические заклатья терминологии

В социальных науках большинство терминологических споров продолжается до бесконечности. Это происходит потому, что данные споры не имеют ничего общего с чисто интеллектуальными дискуссиями на тему познавательной ценности слов. Обычно такие споры сводятся к спору о праве использовать выражения, которые вызывают одобрение или осуждение. Именно это состояние стороны спора желают вызвать у других в зависимости от собственного отношения к обсуждаемому вопросу. Например, бесконечный спор о демократии в целом не относится к проблеме создания такой таксономии политических систем, которая была бы удовлетворительной с научной точки зрения. Подлинное яблоко раздора состоит в том, кому принадлежит исключительное право использовать такое определение, которое пробуждает позитивное отношение к любому режиму. Если заняться поиском общего знаменателя всех смыслов слова «демократия», то неизбежен вывод: оно используется в качестве заменителя немодного прилагательного «хороший». Это значит, что с полным основанием можно говорить о демократическом супе и котлетах. Я: или о русском мыле и т. д.

Тогда как слово «реакционный» имеет совершенно противоположный смысл. Если услышишь, что один человек называет другого «реакционером», то можно быть вполне уверенным, что он его не любит. Но нельзя ничего сказать о политических взглядах «реакционера», если не иметь никакого представления о мировоззрении самого говорящего. В ходе дебатов на тему фашизма общая цель большинства участников спора состоит в таком определении термина «фашизм», чтобы он относился к врагам и совершенно не относился к друзьям противоположных сторон спора.

На протяжении XX в. цели пропаганды и цели познания были настолько перемешаны, что трудно различить одно и другое. Например, слово «тоталитаризм» было изобретено для того, чтобы описать такую политическую систему, в которой правительство распространяет свою власть на жизнь всего общества. И некоторые правительства уже почти достигли такого идеала. Но реальная проблема в том, что ни одно из них никогда не смогло контролировать всех действий всех подданных правительства. Поэтому требуется определить, какую степень расширения власти правительства над обществом мы готовы назвать тоталитарной. Например, можно спорить, был ли фашистский режим в Италии действительно тоталитарным, поскольку он никогда не вмешивался ни в деятельность Ватикана, ни в отношения собственности. Другая проблема состоит в том, что вмешательство правительства может быть направлено в различные сферы. Например, власть Лейбористской партии над британской экономикой в 1946–1950-е гг. была намного шире и успешнее по сравнению с властью Хуана Доминго Перрона в Аргентине, если исключить подавление гражданских свобод последним. Подавление политической оппозиции часто имело место в государствах, которые не нарушали независимой власти Церкви, а в экономических вопросах использовали даже доктрину полного либерализма. Одним из множества примеров является период второй империи во Франции. А свежим примером была жестокая диктатура Аугусто Пиночета в Чили.

История свидетельствует, что деспотизм редко порождает тоталитаризм, но на самом ли деле тоталитаризм неизбежно порождает деспотизм? До сих пор все тоталитарные госу-

дарства были деспотическими, однако нельзя исключать, что может возникнуть новый вид тоталитаризма, который будет олигархически-правовым. А поскольку такая возможность не исключена, лучше определить тоталитаризм как систему, в которой власть отвергает любые пределы на пути своего влияния, непосредственно управляет большей частью своих граждан и не допускает появления независимых от нее организаций. Эта дефиниция включает нацистскую Германию и все коммунистические страны за исключением Польши после 1956 г. Италия Бенито Муссолини подобно Польше Владислава Гомулки подпадают под категорию полутоталитарных государств с учетом независимой Церкви, которая действовала на их территории.

Стало быть, даже с чисто познавательной точки зрения существует проблема наиболее надежной дефиниции тоталитаризма. Тогда как спорные вопросы позволяют распространять его содержание в зависимости от личных предпочтений. На протяжении XX в. левые целиком отбрасывали это понятие, поскольку оно вело к выводу о наличии существенных связей между нацистскими и коммунистическими странами, что автоматически дискредитировало вторые. Однако после победы стран коалиции над фашистской Германией у нацистов было мало сторонников.

История XX в. показала, что даже понятия, относящиеся к явлениям, не имеющим (на первый взгляд) ничего общего с проблемами современности, могут стать предметом жесткой дискуссии для людей, занимающихся криптопропагандой. Термин «феодализм» вошел в употребление в XVIII в. для описания социальной структуры европейских обществ в период средневековья. Некоторое время спустя европейские путешественники были удивлены подобием между тем, что они читали на тему истории своих собственных стран, и тем, что они увидели в странах Востока. Поэтому они начали употреблять данный термин для описания государств неевропейских стран. Когда Сен-Симон, Конт и Маркс предложили свои схемы эволюции человечества, феодализм оказался в них необходимым этапом развития. Это породило долгую дискуссию о том, был ли феодализм только европейским или общим феноменом всемирной истории. Историография была и остается подверженной культуре деталей и нежелания обобщений. Поэтому она занимала первую позицию и ограничила содержание феодализма странами Западной Европы. Среди прочего встречались утверждения, что даже Польша и Швеция не прошли через этап феодализма, поскольку шляхта в Польше обладала землей на правах наследования, а в Швеции она никогда не имела судебной власти над крестьянами.

Тогда как в исторической социологии и прежде всего в политических спорах значение понятия феодализм становилось предельно широким. Марксисты отличались склонностью называть феодальным любое общество, которое не было ни капиталистическим, ни социалистическим, ни племенным. Маркс полагал, что социальная эволюция восходит от родоплеменной организации общества через рабство, феодализм и капитализм к окончательной фазе коммунизма, первым этапом которой будет социализм. Поэтому нетрудно обнаружить интерес марксистов в квалификации феодализма как общемирового явления любой цивилизации. Ведь если предположить, что одна из промежуточных стадий может отсутствовать, то неизбежны сомнения в абсолютной необходимости последующих стадий. Нередко термин феодализм использовался для определения любой разновидности социального зла, под который попадали все формы неравенства, эксплуатации и традиционализма.

Так или иначе ценность дискуссий среди историков значительно понижалась по причине игнорирования сторонами дискуссий трех истин, установленных в логико-методологических исследованиях XX в.: денотация любого понятия зависит от его коннотаций; в мире социальных явлений наличие или отсутствие определенного свойства есть проблема степени;

имея дело с множествами слабо связанных между собой свойств следует учитывать изменчивость относительной степени наличия каждого свойства в различных случаях².

Предположим, что Землю посетил марсианин, у которого был бы словарь всех земных языков, но не было никакого представления о человеческой природе. Он крайне удивился бы тому факту, что в разных частях мира любой человек попадал в незавидное положение, едва пытался использовать слово «класс» не в том значении, которое определил писатель, живший сто лет тому назад. Такой пуризм невозможно оправдать ни этимологией, ни канонами научного знания. Но его легко объяснить, если рассматривать слово класс как инвективу, которую можно использовать для манипуляции поведением людей.

Термин класс восходит к латыни. В Древнем Риме класс определялся как группа граждан с определенными правами, которые устанавливались в соответствии с принадлежащими данной группе материальными благами, типом вооружения во время военной службы, веса голоса в публичных собраниях и места во время торжественных шествий. Вытекающие из богатства, власти и престижа ранги соответствовали друг другу. Современная социология называет это соответствием (или кристаллизацией) факторов статуса.

Предшественники социальных наук (от Платона до Адама Смита) часто изучали различия и конфликты между богатыми и бедными, магнатами и публикой, высокопоставленными и униженными. Но слово класс в современном смысле стало всеобщим после разрушения правовых границ между сословиями во время Французской революции. Различия между классом, сословием и кастой относятся главным образом к степени различия и сходства слов, сути разделяющих их барьеров и возможности преодоления данных барьеров. В любом случае указанные термины относятся к неравенству богатства, власти и социального престижа.

Маркс не смог выйти за пределы данной традиции, поскольку он признавал отношение собственности к средствам производства ключевым критерием классового деления. Действительно, в капиталистическом мире времен жизни Маркса это отношение детерминировало различия в богатстве, власти, престиже. В Англии в то время существовали наиболее развитые формы капитализма. Важнейшая линия социального раздела пролегла между обладателями капитала (в форме земли или фабрик) и теми, кто жил за счет продажи своего труда. Кроме богатства и участия в политической власти первые имели привилегированный доступ к образованию, карьере в доходных профессиях и на правительственных должностях. К этому добавлялся опыт восприятия принудительной любезности со стороны бедных рабочих. Разумеется, существовало также большое число независимых ремесленников, крестьян и мелких торговцев, но их значение постоянно падало, как проницательно предвидел Маркс. Ему было хорошо известно, что в европейских монархиях существовали значительные слои влиятельных офицеров и чиновников. Но он считал их реликтами уходящей феодальной эпохи. По его мнению, развитие промышленности может привести к уподоблению крестьянских стран Западной Европы Англии его времени, в которой генералы и бюрократы не играли никакой роли.

Анализируя конкретные ситуации, Маркс приписывал генералов и солдат к различным классам, хотя в соответствии с правом они находились в равном отношении к средствам своей профессии. У генерала было не больше прав на собственность собственного средства передвижения, чем у кучера его кареты. Маркс не извлек никаких следствий из данного факта, поскольку считал власть, не основанную на собственности, пережитком уходящих докапиталистических формаций. В этом он совершенно ошибался. По сути дела, именно рост частной и публичной бюрократии свел на нет осуществление его предвидений относительно

² Анализ данного явления с точки зрения его ценности для сравнительных исследований можно найти в главе 10 моей книги: Andresky 1964.

дальнейшего развития цивилизации. Сегодня любому человеку нетрудно заметить большие блага (в форме денег, власти и престижа), которую дает высокий пост в частных конторах и правительственных органах. Поэтому отношения собственности – лишь один из источников социального неравенства. Марксов критерий классового деления давно потерял свою научную ценность – частично в капитализме и полностью в странах, которые пытались построить социализм.

Но почему же коммунисты и их сторонники держались за дефиницию Маркса? Ответ дать нетрудно: посредством подмены термина «неравенство» термином «класс» и отождествлению классовых различий с отношением собственности к средствам производства можно было провозглашать, что неравенства исчезли (или исчезнут) после ликвидации частной собственности на средства производства. Иначе говоря, принуждая всех использовать устаревшие дефиниции, коммунисты старались успокоить и обмануть людей, которыми они управляли, а также подстрекать массы в капиталистических странах.

Из этой дефиниции вытекает множество полезных фикций. В том числе утверждение: осуществляющие власть члены партии принадлежат к тому же социальному классу (или пролетариату), что и рабочие. Ведь с точки зрения права никто из них не обладает средствами производства. Поэтому нетрудно понять, почему сторонники коммунизма оставались при столь удобной дефиниции. Но отсюда не вытекает, что не согласные с ней имели в виду исключительно методологическую истинность данной дефиниции. Не существует ни одного строго научного аргумента против того, чтобы предоставить марксистам их любимое слово и разрешить делать с ним все, что им заблагорассудится. Единственно истинным обоснованием такой словесной войны есть то, что противники коммунистов не хотели разрешить им манипулировать позициями людей с помощью данной дефиниции. Но вследствие длительного употребления в контексте осуждения слово «класс» приобрело такое чувственную окраску, которую игнорировать невозможно. Благодаря этому слово класс является успешным средством пробуждения в людях отрицательного отношения – по отношению к чему есть хорошая тактика лишить противника монополии на его применение. Сопrotивление марксистскому способу употребления слова «класс» вытекало прежде всего из политических, а не познавательных побуждений. А на деле оно было положительной борьбой с культивированием пропаганды посредством жонглирования словами.

Уже немного осталось сторонников советского социализма, упорно машущих волшебной палочкой. Однако апостолы американского образа жизни по-прежнему стараются скрыть существование неравенства в своей стране, вычеркивая из словарей социологических терминов звучащее вполне рационально слово «класс». Вместо него вводятся благозвучные термины «слой» или «статусная группа». В странах Латинской Америки нарастает вражда между богатыми и бедными. На ее фоне политологи из США стараются околдовать действительность, используя термин «сектор» или «сегмент» вместо враждебного звучащего «класса». Традиционные крестьяне аналогично определяли дьявола посредством различных эвфемизмов в опасении, что произнесение настоящего имени может привести к появлению дьявола.

Парсонс является Папой социологической ортодоксии. Используя технику ритуального избегания, он создал совершенную концепцию для проклятия дурных мыслей об эксплуатации, преследованиях и несправедливости. Он выстроил такую систему дефиниций, которая не оставляет для них места. Согласно этой утешающей точке зрения положение человека в обществе зависит только от того, в какой степени он живет в соответствии с идеалами общества. Парсонс излагает свою позицию в длинных выводах, которые неплохо иллюстрирует нижеприведенная цитата:

«В любой конкретной социальной системе реально существует система ранжирования в терминах моральной оценки. Но это в некотором смысле предполагает наличие интегрированного ряда стандартов, согласно которым даются или должны даваться оценки. Поскольку ряд стандартов образует нормативную модель, то фактически существующая система не будет точно совпадать с этой моделью. Фактическая система отношений иерархии в той мере, в какой она опирается на моральные санкции, может быть, таким образом, названа системой социальной стратификации. Напротив, нормативная модель будет названа нами шкалой стратификации.

Так как шкала стратификации представляет собой упорядоченную структуру, образуемую моральным авторитетом, интегрированным с точки зрения общепринятых нравственных чувств, она тем самым является частью институциональной структуры социальной системы» [Парсонс 2000: 160].

Значит, если раб остается послушным истязавшему его властителю, он оказывает уважение к социальным ценностям. Более современные примеры того же самого явления можно найти в тюрьмах, лагерях принудительного труда, бандах преступников и в других сообществах, в которых brutальное насилие вызывает раболепие и подобоострастие.

Современные СМИ создали атмосферу погони за сенсацией. В ней вместо благопристойных банальностей манипулируют словами. Это делается в целях шокирования публики. И хотя намерения Фрейда были иными, он тоже не был свободен от стремления к указанной цели. Фрейду до сих пор приносят почести как аналитику сознания. Видимо, он смог бы стать супераналитиком, если бы не стремился к созданию собственного культа, элементом которого было приращение словам превратного смысла ради целенаправленного шока. Без склонности шокировать он наверняка не стал бы известным. Надо учесть также способность окружать себя фанатичными и даже сумасшедшими последователями. Все это вытекало из привычки использовать слово «сексуальный» вместо слова «чувственный». Фрейд назвал сексуальным инстинктом идею о том, что мысль и поведение ребенка руководствуются поиском приятных ощущений и на этой основе квалифицировал ребенка как «полиморфного извращения». Надо было найти нейтральное название для определения детской склонности к получению приятности от сосания груди матери, большого пальца и экскрементов. В этом случае его теория более соответствовала научной точке зрения и меньше походила бы на суррогат религии.

Если иметь в виду историю XX в., то термин идеология наиболее пострадал в результате сознательной или скрытой пропаганды. Уже в начале XIX в. этот термин был отягчен отрицательным определением. Вплоть до настоящего времени он выражает обвинение в явной или скрытой лжи. Существует и этически нейтральное определение идеологии – это совокупность убеждений на тему фактов, причин и ценностей, которые поддерживают друг друга на основе логических связей или подобий связанных с ними чувств, которые с точки зрения рационального мышления являются частично не проверенными, полностью непроверяемыми или ложными. Разумеется, любая социальная система поддерживает так понятию идеологию и поддерживается последней. Идеология может быть возвышенной или низменной, честной или тенденциозной – это уже вопрос особый. Но немного найдется таких людей, которые готовы признать, что их идеалы опираются на непроверенные, непроверяемые и даже ложные основания. Большинство будет противостоять такому определению идеологии, которое натолкнула бы их любимые убеждения на подозрения во лжи. С другой стороны, почти все считают веру и убеждения своих противников отъявленной ложью. Поэтому до сих пор популярны такие определения идеологии, которая охватывают убеждения оппонентов, но не касаются наших собственных взглядов. В любом случае слово идеология намного чаще выступает в качестве идеологического оружия, чем средства познания. Поэтому

присмотримся к нескольким словам, которые целенаправленно были созданы как научные термины, лишенные эмоциональных и мировоззренческих коннотаций.

В сообществе психологов, социологов, антропологов, политологов или педагогов постоянно употребляются слова социализация или обобществление. Эта относительно новая мода не вытекает из познания нового явления, к которому должен относиться данный термин. Давно всем известно (за исключением детей и умалишенных), что характер каждого человека зависит от среды, в которой он живет и которая формирует его ценности, язык, вкусы и способности. Именно в таком широком значении использовалось слово воспитание. Когда Дюркгейм писал о «моральном образовании», он не имел в виду школьные уроки. Пособия для военных всегда были наполнены советами, как воспитать мораль солдат и внушить им рыцарские доблести. Психологи и социологи не могут приписать себе заслугу открытия невидимых и формальных факторов, детерминирующих характер, таких как влияние товарищей (в настоящее время для этого используется научный термин группа ровесников). Об этом всегда прекрасно знали учителя и родители, придающие большое внимание тому, с кем общаются их дети. Неграмотные крестьяне знают множество поговорок, которые выражают это обыденное знание. Оно не является также новым предметом ученых рассуждений, поскольку на эту тему уже Платон мог много сказать.

Слово «социализация» не означает ничего ранее неизвестного. Но его можно было бы отстаивать как полезный термин, описывающий весь процесс формирования личности средой. Однако такой подход не может опровергнуть факт: более однозначные слова для обозначения тех же процессов существовали давно в нескольких языках, включая английский. В книге «Антропология» Альфреда Льюиса Кребера (первое издание вышло в 1923 г.) содержатся размышления о том, как культура формирует индивидов. Однако полезное слово «культура» было заменено «социализацией». Видимо, потому что второе слово заканчивается на «-ция» и поэтому звучит более научно, тогда как воспитание связано с простым действием ремесленника. Но не менее важный повод связан с различными оценочными подтекстами обоих слов. Термин «воспитание» ничего не говорит о качестве конечного продукта, который в равной степени может оказаться хорошим и плохим. Указанный термин более соответствует дескриптивному подходу, поскольку он не противоречит естественным языковым ассоциациям, согласно которым трудно говорить о социализации как о чем-то плохом. Несмотря на декларированную склонность к нейтральности пользователи другого определения выбирают его, поскольку он предполагает скрытое одобрение того, как любое общество, группа или институт воспитывают своих новых членов, даже если учат их заталкивать детей в газовые камеры и одобряют это действие. Поэтому оно лучше подходит к социальным наукам, которыми занимаются в духе максимы «Все к лучшему в этом лучшем из миров». Тогда как «воспитание» и «формирование» звучат зловеще, поскольку сигнализируют о беспомощности и пассивности индивида перед лицом мощных сил коллектива (общества), что более-менее отражает фактическое состояние вещей. Воспитание из необузданных рекрутов послушных и храбрых солдат обычно требует столько брутальности, что выражение «обуздание» (укрощение) здесь подходит намного лучше, чем «социализация».

Конечно, можно использовать слово «социализация» таким образом, который упрямчил бы положительную оценку, которую оно автоматически пробуждает в отношении к описываемому процессу. При этом можно сослаться на разработанную Георгом Гербертом Мидом концепцию развития молодого организма в социальное существо посредством обретения навыка коммуникации и взаимодействия с другими, что позволяет присвоить ей понятие «Я» и его словесный эквивалент. «Обобществление» (социация) является лучшим термином, поскольку он менее двусмысленный. «Обобществление» (социализацию) можно определить как процесс передачи мыслей, чувств, способностей и обычаев, без которых невоз-

можно социальная жизнь. Невозможно вообразить общество, в котором дети не учатся разговаривать, соблюдать нормы поведения и работать. Зато можно создать реестр таких форм поведения, которые разрушили бы любое общество, если бы они стали всеобщими. К ним относятся: полное отсутствие способностей предвидения; совершенная неспособность овладения собственными инстинктами; совершенное отсутствие способности правильного понимания намерений другого человека. Множество примеров такого поведения нетрудно обнаружить среди сумасшедших, но психиатрическая клиника может существовать лишь благодаря внешней помощи.

Можно ограничить значение «социализации» процессом формирования индивида обществом таким образом, который обеспечивает не только продолжение всех видов социальной жизни, но и сохранение данной социальной структуры. Между указанными двумя типами воспитания личности существует различие: первый содержит в себе другой как частный вариант, поскольку сохранение определенной структуры предполагает соблюдение условий, необходимых для существования социальной жизни в целом, а не наоборот. Например, купеческое сообщество распалось бы вследствие разрушения искусства подсчета, хотя его члены могли бы выжить, создавая аграрное общество. С другой стороны, если в таком сообществе дети не научатся работать и соблюдать правила, то его члены окажутся неспособными поддерживать совокупную жизнь вообще и умрут с голода или поубивают друг друга или будут завоеваны и угнетаемы чужаками.

Возникает вопрос: зачем все это деление волоса на четыре части? Дело в том, что следует признать нанесением вреда оперирование неясным термином, который затушевывает ключевые различия, делая невозможным изучение их причин и следствий. Не существует никаких причин для того, чтобы принимать в качестве очевидного факта то, что внедряемые обществом своим членам обычаи, верования и убеждения всегда образуют необходимые и достаточные условия его самосохранения, не говоря уже об абсурдном убеждении: все существующие в данный момент времени верования и обычаи являются необходимыми для любого вида коллективной (совместной жизни).

Лишь немногие люди получают удовольствие от убийства членов человеческого рода. Поэтому можно принять принцип одобрения решений, необходимых для существования социальной жизни и вследствие этого положительно оценивать действия, которые образуют социализацию в ее основном значении. Если же при употреблении этого слова смешивать необходимое с тем, что существует в данном месте и времени, то нетрудно протащить мнение, согласно которому существующие социальные устройства являются не только необходимыми, но и заслуживают положительной оценки. С помощью такой терминологии пытаются убедить, что все к лучшему в этом лучшем из миров.

Несомненно, взгляд на мир глазами Панглосса ведет к довольству существующим социальным порядком. При этом бесконечное повторение слова «социализация» должно подавить любые сомнения в долговременных следствиях существующего способа воспитания. Тем самым замалчивается возможность того, что привычки и позиции, воспитываемые у молодых людей, могут быть весьма вредными для общества, а в крайних случаях вызывать его распад. Нередко бывает так, что группы или институты уничтожают сами себя, поскольку так воспитывают своих членов, что они оказываются неспособными для выполнения необходимых задач. По той же самой причине армии проигрывают битвы, народы завоевываются захватчиками, фирмы впадают в банкротство, учреждения перестают выполнять свои функции, семьи распадаются, а правительства рушатся. Во многих указанных случаях члены группы не в состоянии сопротивляться внешней силе. Но нередко главной причиной оказывается неспособность передать следующему поколению позиции и способности, которые в прошлом были гарантией сохранения общества. Хотя в целом эта проблема достаточно

сложная, чтобы объяснять ее лишь ссылкой на моральное декадентство, но невозможно отрицать факт: в момент падения Римской Империи ее граждане уже не обладали доблестями, которые обеспечивали им овладение целым бассейном Средиземного моря. Польские магнаты подписывали за взятки документы разделов Польши. Тем самым они не проявили качеств, которые ранее гарантировали существование государства. Французская аристократия была неспособной справиться с революционными силами, поскольку потеряла свои добродетели и доблести, необходимые для удержания своего господства. Парето сконструировал свою теорию круговорота элит на основе обоснованной посылки: привилегированные классы неспособны передавать своим детям доблести, необходимые для успешного управления. Явление циклического возвышения и упадка семей стало темой многих романов и народных преданий. Оно также опосредованно подтверждает тенденцию к такому воспитанию молодого поколения, которое не способствует социализации: развращенный молодой барин транжирит и уничтожает то, что его предки создали своими мозолистыми руками.

Неопрровержимый факт состоит в том, что последствия политического образования могут быть катастрофичны. Отсюда ясно, что выражение «политическая социализация» – одна из наиболее циничных и злобных хитростей развратного криптоконсерватизма, окрашенного духом Панглосса. Как было сказано, существуют определенные поводы называть «социализацией» процесс, при котором ребенок учится коммуницировать и сотрудничать с другими. Но следует считать злоупотреблением использование этого молчаливо одобрительного выражения по отношению к обучению двуличию, жестокости, паразитизма и других популярных в мире политики недостатков. Когда начинающие чиновники и политики в Конго учатся принуждать к взяткам, когда солдаты СС заталкивают детей в газовые камеры, когда американские солдаты во Вьетнаме привыкают жечь беззащитные села, когда коммунистические деятели лишаются совести и предадут своих друзей, исключенных из партии, когда агенты политической полиции учатся применять шантаж и убийства, – то использование термина «социализация» для формирования характера такого типа является доказательством полного морального бесчувствия, особенно на фоне ложного утверждения: все такие поступки способствуют сохранению организации, которая их воспитывает. Часто бывает совсем наоборот: коррупция и злоупотребление насилием способствовали падению многих правительств и даже государств. Не исключено, что гитлеровцы могли бы выиграть войну, если бы в процессе социализации не внедряли своим землякам вкус к жестокости и лжи в отношении оккупированных народов, которые пробуждали ненависть и сопротивление. Нет никаких оснований полагать, что способ воспитания индивидов данной политической системой с необходимостью служит ее сохранению, не говоря уже о пользе для человечества. Мы полагаем вполне адекватными и более нейтральными термины «воспитание» и «формирование». Тогда как привычка к использованию вызывающего одобрение слова «социализация» может вытекать из таких побуждений, как стремление улучшить собственное положение с помощью претенциозной терминологии или стремления обрести позитивное отношение к себе посредством благословения всего того, что они делают.

Карьера термина «приписывать» (ascribed), используемого по отношению к статусу, – еще более показательный пример пропаганды в маске научности. Ральф Ликтон стремился прослыть оригинальным мыслителем, когда ввел моду говорить «приписанный» вместо «унаследованный». Ведь каждый знает, что означает второе слово. Подобно другим псевдонаучным инновациям, эта замена позволяет испечь два пирожка на одном огне: она помогает социологам или антропологам в борьбе за высший академический статус; она обслуживает нашего старого знакомого – похабный криптоконсерватизм. Всем известно, что унаследовать значит «войти во владение тем, что было у родителей или других членов семьи». Однако, когда вместо того, чтобы сказать: «тот или другой унаследовал свой социальный статус», мы

утверждаем, что статус оказался ему приписанным, то мы придаем всей ситуации несколько иной колорит, полагая, что данная особа обязана своими привилегиями акту приписывания, совершенного неким Высшим существом, которым должен быть Бог или Общество. Кто такой Общество? Разумеется, это мы сами. Значит, это мы приписали особый статус лишь немногим из нас. А поскольку мы это совершили, то теперь не должны нарекать, если оказались на дне социальной иерархии.

«Достигнутый» статус выступает противоположностью «приписанного» (или унаследованного) статуса. Он имеет хотя бы ту ценность, что понятен сам по себе, поскольку не претендует на имя нового, поскольку просто заменяет термин «полученный», используемый в допарсоновские времена по отношению к статусу, который не был наследуемым. К чему такое изменение? Частично оно возникло потому, что это чисто вербальная процедура. Она выполнена без всяких умственных усилий, но создает видимость научного прогресса. Дополнительной причиной популярности такого жонглирования словами оказывается то, что «достижение» звучит намного лучше, чем «получение», которое иногда вызывает не слишком позитивные ассоциации, особенно после периода антикапиталистической пропаганды. С логической точки зрения здесь нет большого различия, однако в научном дискурсе не должно быть места чисто вербальным трюкам. С другой стороны, специалисты по рекламе доказали, что можно намного лучше влиять на поведение людей посредством игры воображаемыми ассоциациями, чем с помощью трезвых логических аргументов. Бесплезность последних в качестве орудия манипуляции массами показал уже Аристотель в Риторике.

Можно написать толстый том переводов благозвучных эвфемизмов социальных наук на нормальный язык, но я сделаю лишь пару шагов по этой непроходимой чаще, оставляя сообразительным читателям анализ других проявлений этой богатой фауны. Например, разве не звучит приятно слово «универсализм», которое давным-давно изобретено теологами? Импонирующее и помпезное, оно было перенесено в социологию Великим Мастером в целях замены никчемного и обыденного слова «безличность» или «служебность». Поэтому никто не должен жаловаться, если в больнице, учреждении или бюрократизированной школе к нему отнеслись как к номеру в огромном списке, поскольку помимо ощущения персонификации социальных отношений каждый ощутил универсальное благочиние. Разумеется, я не считаю, что всегда лучше, если отношение к тебе зависит от личного отношения с собеседником и что безличность всегда плохая, поскольку она тоже имеет положительные стороны. Речь идет лишь о том, что, поскольку «безличность» и «универсализм» у Парсонса означает буквально одно и то же, то нет никаких причин заменять одно выражение другим (кроме всеобщего их применения в псевдонаучной борьбе за академический престиж), особенно если значение второго слова размылось по причине эмоциональной окраски, с помощью которой бюрократия становится розовой и пушистой.

Вот еще один пример отбеливания: давно известно, что любая группа, клуб, военная часть и любое другое сообщество базируется на определенных организационных установлениях, благодаря которым его можно отличать от окружения. Когда членство в данной группе приносит хотя бы малейшую пользу, надо привести в действие механизм исключения посторонних. Однако термины «исключение» и «монополизация» слишком сильно напоминают о том, как на самом деле выглядит мир. Поэтому они заменены эвфемистическим выражением «поддержание границ», приятно напоминающим «починку забора», которое в повседневном американском языке означает согласие с соседом. Ко времени Талкотта Парсонса никому не пришло в голову делать большую теорию из очевидного утверждения: каждый коллектив должен иметь границу, которая может быть подвижной, но существующей.

Если ты хочешь жаловаться на налоги или на способ раздела публичных благ, то должен понять, что согласно Парсонсу социальные действия являются целевыми – возможно,

это тебя успокоит. Разве у тебя найдется смелости поставить вопрос: чьи цели должны быть достигнуты? Если ты по-прежнему задаешь неприличные вопросы, то ты «девиант» или извращенец.

Термин «девиация» тоже содержит коварные наговоры в духе распоясавшегося конформизма. В принципе его можно было применять безоценочным, этически нейтральным способом и определять с его помощью отступление от норм обычного поведения в данном обществе. Однако если мы проследим его использование в психологии и социологии, то окажется, что оно применяется лишь к определенному рода отступлениям от шаблона. Лишь немногие люди могут быть довольны тем, что они обладанием большой собственностью, славой или знанием. Поэтому со статистической точки зрения они являются «девиантами» (или извращенцами). Но с чисто логической точки зрения мы должны так называть всех премьеров, президентов, министров, миллионеров, кинозвезд, космонавтов, известных ученых и т. д. Обычно говорится, что девиация не означает обладания неким редким свойством или способностью, но переплетение этических норм – обычное явление. Почему же в таком случае не говорится о «преступлении», а только о «девиации»? Приведенное объяснение малоубедительно, поскольку известно, что в мире большой политики или бизнеса нет недостатка в людях, использующих сомнительные этические средства, которые граничат с преступными. Двигаясь вниз по социальной лестнице, мы находим там множество мелких эксплуататоров, шантажистов, лгунов, интриганов, проходимцев, обманщиков, лицемеров, хитрецов и прочих лиц подобного покроя, которые несомненно не живут в соответствии с нормами этики, однако о которых не упоминают при рассуждениях о девиации. В настоящее время одним из наиболее распространенных нарушений этики является бюрократическая интрига, которая наносит обществу больше вреда, чем все мелкие воровства, вместе взятые. Однако ничего подобного не должно быть в мире, который управляется «универсализмом». И таково последнее дело, о котором хотят писать специалисты от «девиации». Для доказательства можно утверждать, что это настолько распространенная практика, что ее нельзя признать девиацией. Но посредством такого признания отодвигается в сторону критерий нарушения этических норм. А ссылка на строго статистическую норму вынуждает определять именем «девиантов» президентов и миллионеров. Ответ, согласно которому интриганы здесь не принимаются во внимание, поскольку их действия не вызывают нарушение права, ведет нас опять к исходному вопросу: зачем использовать слово «девиация», если речь идет просто о преступлении? Хотя при анализе человеческого поведения никогда ничего до конца не ясно, намного легче проверить, был ли нарушен какой-либо закон, чем сводить данный тип поведения к неясной и непоследовательно используемой категории «девиация». Но поскольку законы являются часто и произвольно изменяемыми, а то же самое действие может в один момент стать (или прекратить) быть преступлением, хотя мотивация действия и последствия остаются одинаковыми, в поисках причин возникла мысль создать более широкое и точное понятие, чем преступление.

Обыденный язык содержит множество слов для различения типов, на которые накладывается общее имя девиации: эксцентрик, еретик, отщепенец, бунтарь, мошенник, вор и т. д. Различие таких определений пробуждает сомнение в том, могут ли они иметь какое-либо общее имя. Используя термин «девиация» для обозначения всех указанных типов, мы полагаем их родство, хотя его никто не доказал и даже не представил убедительных аргументов в пользу такого тезиса. Значит, мы имеем дело с термином, который функционирует совершенно иначе, чем понятия естественных наук: вместо обнаружения скрытых и прежде не обнаруженных связей между мнимо различными явлениями этот термин помогает затушевывать различия и противоречия, а к тому же является менее точным и оценочным, чем выражения

повседневного языка и обязан своей популярностью не эвристической, но криптопропагандистской ценности (достоинству).

В дополнение к соблазну многозначности и привкуса псевдонаучной новинки они способствуют тому, что термин «девиация» оказывается крайне полезным для миссионеров распущенного криптоконсерватизма, поскольку позволяет бросать в один мешок еретиков, интеллектуальных инноваторов и критиков существующего порядка вместе с ворами, проститутками, наркоманами и чудовищами, которые душат маленьких девочек. «Девиация» подобна «дисфункции». Она является слишком общим термином, используемым для осуждения нонконформистов во имя науки и бросающим в одну бочку Сократа и Спинозу вместе с Аль Капоне и Джеком Потрошителем. Видимо, здесь надо добавить, что в американской книге, посвященной социальным патологиям (библиографические данные которой у меня пропали) я видел главу под названием «Интеллектуалы».

Надеюсь, мои рассуждения не склонили читателя к выводу: я лично исповедую культ различия и нонконформизма, который в последнее время вошел в моду. Мне кажется, что каждому мыслящему существу должно быть ясно, что ценность таких позиций целиком зависит от того, против чего направлен протест, с чем человек не желает иметь ничего общего и что предлагает взамен. Преклонение перед различием как таковым в той же степени глупо, как и слепой и бездумный консерватизм или вера, что каждое новое решение должно быть лучше предшествующего, или злоупотреблением «реакционностью» любой формы противодействия изменениям независимо от того, против чего оно направлено. Наибольший контраст существует между трезвым, независимым и исправным использованием разума и тупым подражательством. Волна распущенного конформизма (особенно в США) подготовила почву для неразумной любви к бунту, совершаемого ради самого факта протеста против чего бы то ни было³.

Возможно, эту главу следует закончить самым вкусным куском, который можно обнаружить в меню разнузданного криптоконсерватизма. Речь идет о концепции власти, разработанной Талкоттом Парсонсом и изложенной Сеймуром Липсетом (автором нескольких неплохих книг), который, несмотря на свое знание, поддался пению сирен разнузданного криптоконсерватизма: «Парсонс полагал, что власть – в его категориях понята как способность мобилизовать средства, необходимые для функционирования системы – необходимо рассматривать (не оценивать) следующим образом. Существование авторитетов и руководителей, задача которых состоит в выполнении того, что необходимо с социальной точки зрения, вписано в структуру любого сложного общества. Большинство из того, что делают люди на вершинах обществ и организаций, является необходимым» [Lipset 1968: 147–148].

Таким образом, если ты чех, то не возмущайся тем, что сделал Гусак с Дубчеком и другими предателями рабочего класса; если родился в Бразилии, тебе должны нравиться Эскадроны Смерти; если ты русский, не считай злодеем товарища Андропова за то, что он бросил в дом сумасшедших пару строптивых писателей; если живешь на Гаити, должен делать то, что говорил им президент Баби Док; если негр и страдаешь от апартеида, не проклинай Форстера. Прислушайся к голосу Науки и вникни в ее дефиницию, из которой ясно вытекает, что (подобно любому властителю, не исключая Калигулы и Гитлера) все эти господа делали все сказанное исключительно потому, что оно было необходимым.

Перевод с польского языка В.П. Макаренко

³ Со времени написания этих слов мода на бунт (зачастую в конечном счете мнимая) уже прошла, но может вернуться... Моды постоянно меняются.

- Парсонс Т. 2000. О структуре социального действия. – М.: Академический Проект.
- Andresky St. 1964. The Uses of Comparative Sociology. – Berkeley: University of California Press.
- Lipset S.M. 1968. Revolution and Countr Revolution. – New York: Basic Books.